

misterium

misterium

**РУТ
РЕНДЕЛЛ
НАСЛЕДИЕ ГРЕХА**

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Р39

Ruth Rendell
A NEW LEASE OF DEATH

Copyright © Ruth Rendell, 1969. First published by Hutchinson.
The Author has asserted her right to be identified as
the author of the Work.

Иллюстрация *Анатолия Дубовика*

Ренделл, Рут.
Р39 Наследие греха / Рут Ренделл ; [пер. с англ. Н. В. Екимовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Millennium. Английский детектив).

ISBN 978-5-699-87602-0

Инспектор Вексфорд никогда не забудет дело Пейнтера: это было его первое самостоятельное расследование убийства. Не забудет это дело и сам Пейнтер, потому что его в результате повесили. Вина слуги, зарубившего старую хозяйку топором ради двухсот фунтов, была настолько очевидна, что его приговорили без лишних раздумий. И вот спустя пятнадцать лет к инспектору является священник, уверенный в невиновности Пейнтера и желающий пересмотреть давно сданное в архив дело. Крепя сердце Вексфорд позволяет гостю пуститься по остывшему следу. Но время хранит много страшных тайн, и даже сам инспектор не может представить, что извлечет на свет пастор, начав копать в злодеяниях минувших дней...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-87602-0

© Екурова Н.В., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*Моему отцу и Саймону
посвящается*

Все эпиграфы перед главами взяты
из «Книги общих молитв»¹

---

¹ Краткое название нескольких взаимосвязанных теологических документов Англиканской церкви. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Глава 1

Законы королевства могут предавать христиан смертной казни за совершенные тяжкие и прискорбные злодеяния.

«Тридцать девять статей англиканского вероисповедания»¹

Было пять утра. По долгу службы инспектор Майкл Берден повидал на своем веку больше рассветов, чем иные люди, однако так и не научился встречать их с хмурой миной, особенно летом. Ему нравились тишина и утреннее безлюдье крошечного городка, нравился жесткий голубой свет того же оттенка и яркости, что и после заката, только без его меланхолии.

С четверть часа назад двое парней, которых всю ночь порознь допрашивали о драке, произошедшей накануне в одном из кафе Кингзмаркхема, почти одновременно дали признательные показания. Теперь оба отдыхали в белоснежных камерах подвального этажа их до неприличия современного участка. Берден стоял у окна в кабинете Вексфорда и смотрел на небо, необычно подкрашенное зеленоватым ак-

---

¹ Вероучительный документ Англиканской церкви.

вамарином. Его пересекала плотная стая птиц. Они напомнили инспектору детство, когда все кругом казалось больше, чище и значительнее, чем сейчас, и не только на рассвете, но и вообще изо дня в день. Майкл устало распахнул окно: его слегка мутило от смешанного запаха сигаретного дыма и застарелого пота, который издавали юнцы, даже в разгар лета не вылезавшие из кожаных курток.

Из коридора донесся голос Вексфорда: он желал доброй ночи — а может, и доброго утра — старшему констеблю, полковнику Гризволду. Интересно, подозревал ли Гризволд вчера, когда заявился в участок около десяти вечера и долго распинался о необходимости полного искоренения хулиганства, что ему придется провести здесь всю ночь? «Вот до чего доводит привычка совать нос не в свои дела», — злорадно подумал Берден.

Хлопнула тяжелая входная дверь, а потом Гризволд завел свою машину. Инспектор наблюдал за тем, как тот, проехав двор и миновав большие каменные вазоны с розовой геранью, свернул на Кингзмаркхем-Хай-стрит. Главный констебль не пользовался услугами шофера. С одобрительной, хотя и не лишённой ехидства усмешкой Майкл отметил, что начальник ехал не больше двадцати восьми миль в час до самого разграничительного знака. Там его машина резко набрала скорость и понеслась по пустынной проселочной дороге на Помфрет.

Заслышав шаги Вексфорда, Берден повернулся к окну спиной. Тяжелое сероватое лицо старшего инспектора было сегодня чуть серее обычного, но никаких иных признаков усталости в нем не за-

мечалось, а глаза его, черные и неподатливые, как базальт, победно сверкали. Он был крупным мужчиной, с крупным лицом и мощным, внушающим робость голосом. Его серый пиджак — один из целой серии двубортных пиджаков с низкой застежкой, которые он обычно носил, — казался сегодня особенно потрепанным и помятым. Но это ему даже шло — пиджак выглядел как естественное продолжение морщинистой носорожьей кожи инспектора.

— Ну, вот и еще одно дельце сделано, — начал он с порога, — как сказала старуха, выбив старику глаз.

Берден терпел его вульгаризмы стоически. Он знал, что начальник произносит их с одной-единственной целью: шокировать его. И, надо сказать, обычно ему это удавалось. Вот и теперь инспектор растянул тонкие губы в вымученной улыбке. Шеф протянул ему голубой конверт, и Майкл принял его едва ли не с благодарностью: отклонение от рутины давало ему передышку, позволяя скрыть смущение.

— Гризволд только что сунул, — сказал Вексфорд. — В пять утра. Никакого чувства времени.

Берден взглянул на почтовую марку Эссекса.

— Это от того, о ком он нам говорил, сэр?

— А от кого еще я могу получить письмо из милого старосветского Трингфорда, от своего фаната, что ли? Он самый, преподобный мистер Арчери, на правах старого друга. — Старший инспектор опустил свое крупное тело в хлипкое кресло, и оно издало обычный протестующий писк. С этими креслами, как и вообще со всей нарочито-современной обстановкой своего кабинета, у Вексфорда сло-

жились особые отношения, которые его подчиненный именовал «любовь–ненависть». Гладкий пол с лоскутком нейлонового ковра посредине, кресла на хрупких хромированных ножках, бледно-желтые жалюзи на окнах — все это, по выражению Вексфорда, было «нефункционально» и годилось только на то, чтобы пускать пыль в глаза посетителям. Что не мешало ему втайне гордиться этими вещами. Они производили впечатление. В частности, на визитеров вроде автора того письма, которое хозяин кабинета уже доставал из голубого конверта.

Письмо тоже было написано на голубой, довольно плотной бумаге. Главный инспектор заговорил, старательно копируя акцент представителей высшего сословия:

— Почему бы мне не обратиться к старшему констеблю Мид-Сассекса, дорогая? Мы ведь вместе были в Оксфорде... — И он оскалился в усмешке. — В чертовом городе дремлющих шпилей, — добавил он. — Тьфу ты, терпеть все это не могу!

— А они действительно там были? — спросил Берден.

— Где — там?

— В Оксфорде?

— Понятия не имею. Но где-нибудь без них уж точно не обошлось. Не в Оксфорде, так в Итоне. Гризволд мне ничего не объяснял, сказал только: «Ну, вот, теперь, когда мы запрятали молодчиков в каталажку, взгляните-ка на это письмо, оно от моего доброго друга Арчери. Отличный парень, теперь таких мало. Письмо предназначено для вас. Помо-

гите ему всем, чем сможете. По-моему, там речь идет о том негодяе, Пейнтере».

— Кто такой Пейнтер?

— Один тип, которого вздернули лет пятнадцать-шестнадцать тому назад, — коротко ответил Вексфорд. — Давай-ка поглядим, чего там от нас хочет этот пастор.

Берден заглянул начальнику через плечо. Письмо было от викария прихода Святого Колумба в Трингфорде, графство Эссекс. Греческое начертание буквы «е» тут же неприятно резануло ему глаз.

Старший инспектор стал читать вслух:

— «Дорогой сэръ, простите, что отнимаю своим письмом ваше драгоценное время...» Попробуй тут не прости, верно? «...Но речь идет о деле чрезвычайной важности. Полк. Гризволд, старший констебль, и т. д., и т. п., любезно проинформировал меня о том, что вы именно тот джентльмен, кто может помочь мне в моем деле, вот почему я, с его предварительного согласия, пишу вам сейчас». — Инспектор кашлянул и ослабил узел жеваного галстука. — Черт знает сколько писанины, когда же он доберется, наконец, до сути? Ага, вот оно. «Вы, вероятно, помните дело Герберта Артура Пейнтера...» Еще бы. «Насколько я понимаю, следствие тогда вели именно вы. Вот почему мне хотелось бы обратиться к вам еще до того, как я, вопреки собственному моему желанию, вынужден буду предпринять некоторые расспросы».

— Что значит «вынужден»? — удивился Берден.

— Откуда мне знать? Он ведь не пишет. Только сыплет комплиментами и спрашивает, можно ли ему навестить меня завтра — хотя нет, уже сегодня. Сегодня утром он будет звонить, хотя «заранее благодарен за ваше согласие». — Глянув в окно на восходящее над Йорк-стрит солнце, Вексфорд, как всегда неточно, процитировал: — «Небось спит сейчас в Элизиуме, съев горькую баранину нужды»¹, или чего там еще священники лопают на ночь.

— Что ему нужно?

— О господи, Майк, разве не понятно? Не покупайся ты на эти «вынужден буду предпринять» да «вопреки собственному желанию»! Жалованье у него наверняка мизерное. Вот и кропает, поди, детективные историйки между утренней службой и собранием матерей. Наверное, совсем до ручки дошел, коли надеется, что публика снова клонет на дело Пейнтера.

Берден задумчиво произнес:

— Я, кажется, помню этот случай. Я тогда только окончил школу...

— И он повлиял на твой выбор профессии, верно? — поддразнил его Вексфорд. — «Кем ты хочешь стать, сынок?» — «Детективом, папа».

Пять лет, проведенные в качестве правой руки этого человека, сделали Майкла нечувствительным к его насмешкам. Он знал, что служит начальнику чем-то вроде предохранительного клапана или бессловесного партнера по сцене, на ком тот упражняется в язвительном, а порой и злом остроумии.

---

¹ Сильно искаженная цитата из пьесы Шекспира «Генрих V».

Остальных жителей их крошечного городка, которых Вексфорд без разбора именовал «нашими клиентами», следовало щадить и обращаться с ними вежливо, пока они не попадали под подозрение. Так что Берден один нес на своих плечах весь груз вексфордской злости, грубости и насмешек. Вот и теперь он исполнял роль губки, на которую изливалось презрение, адресованное вообще-то Гризволду и его другу.

Он бросил на начальника проницательный взгляд. После целого утомительного дня и последовавшей за ним беспокойной ночи это письмо стало для старшего инспектора последней каплей. Он был напряжен, морщины на его лице обозначились особенно резко, все тело налилось злобной силой, и каждое движение выглядело угрожающе. Такому раздражению нужен был выход.

— Это дело Пейнтера, — невинным тоном спросил Берден, входя в роль психотерапевта, — было, кажется, довольно простым? Я много читал о нем в газетах, оно произвело тогда в наших местах сенсацию. Но, по-моему, ничего примечательного в нем не было.

Вексфорд сунул письмо в конверт и бросил его в ящик стола. Все его движения были точны и экономны. Одно лишнее слово, понял Майкл, и он разорвал бы его в мелкие клочки, растоптал и оставил валяться на полу до прихода уборщика. Но инспектор сказал ровно столько, сколько нужно, и его босс резким отстраненным тоном сообщил:

- Это дело было примечательным для меня.
- Потому что вы его вели?

— Потому что это было первое дело об убийстве, которое я расследовал самостоятельно. А еще оно было примечательным для Пейнтера, потому что его в результате повесили, а также для его вдовы. Осмелюсь даже предположить, что она была потрясена, хотя на пташку вроде нее мало что может произвести впечатление.

Берден беспокойно наблюдал за лицом шефа: тот смотрел на ожог от сигареты, оставленный на кожаной обивке лимонно-желтого кресла слишком нервным клиентом, которого они не так давно допрашивали. Ожидался взрыв. Но Вексфорд вдруг спокойно спросил:

— Тебе что, дома делать нечего?

— Поздно уже, — ответил Майкл, подавляя предательский зевок. — Да и жена на море уехала.

Для крепкого семьянина Бердена собственный дом приобретал сходство с моргом всякий раз, как из него уезжали жена и ребятишки. Эта черта его характера вкупе со сравнительной молодостью, упрямым консерватизмом и слегка старомодной внешностью также нередко служили мишенями для безжалостных острот и колкостей Вексфорда. Но теперь тот сказал лишь два слова:

— Я забыл.

Майкл хорошо делал свое дело. И здоровяк Вексфорд уважал его за это. Сколько бы он ни явил насчет своего помощника, всегда удобно иметь под рукой человека, чья приятная внешность и серьезное выражение лица располагают к себе женщин. Дамы всегда предпочитали раскрывать душу помощнику с лицом сострадательного аскета —

Вексфорд именовал это его выражение признаком мягкотелости, — нежели подавляющему своими размерами и голосом пятидесятипятилетнему мастодонту-начальнику. Но при этом Берден, безусловно, не был сильной личностью, и старший инспектор затмевал его во всем. Вот и теперь, желая дать выход его застоявшейся живости, Майкл раздумывал, не рискнуть ли еще раз получить взбучку за глупость.

И рискнул.

— Раз уж вы все равно будете обсасывать это дело с Арчери, не пройдись ли нам по нему с самого начала? — предложил он осторожно.

— Нам?

— То есть я хотел сказать, вам, сэр. Столько лет прошло, вы, наверное, и сами уже многое подзабыли.

Разряд молнии сопровождался громовым смехом.

— Господь всемогущий! Думаешь, я тебя насквозь не вижу? Когда мне понадобится психиатр, я пойду к профессионалу. — Босс умолк, и от его смеха осталась лишь кривая ухмылка. — Хотя, пожалуй, давай... — Тут Берден допустил ошибку — слишком рано расслабился. — Давай проясним все этому чертову мистеру Арчери, — отрезал Вексфорд. — Хотя в этом деле с самого начала не было никакой тайны, никаких хитростей. Убийца — Пейнтер. — И он ткнул пальцем в окно. Широкое небо Сассекса уже напиталось золотом и пурпуром, и его с востока на запад пересекали мазки бледно-розовой акварели. — И это так же верно, как то, что